

На правах рукописи

МАРЧЕНКО Дарья Игоревна

**КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ
2010–2020-х гг.)**

АВТОРЕФЕРАТ
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской
Федерации

Ставрополь – 2026

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования
«Кубанский государственный университет»

Научный руководитель **Гримова Ольга Александровна**
доктор филологических наук, доцент

Официальные оппоненты **Абашева Марина Петровна**
доктор филологических наук, профессор кафедры истории, теории литературы и методики преподавания литературы ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Тернова Татьяна Анатольевна
доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Воронежский федеральный университет»

Ведущая организация ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск

Защита состоится «05» октября 2026 г. в 15:00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам 24.2.398.06 при ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, корпус 20, аудитория 312.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, <https://ncfu.ru/upload/medialibrary/039/7sd4mtujj6w92qg8hp2we646xv9fmz64/dissertatsiya-Marchenko-na-sayt.pdf>

С авторефератом можно ознакомиться на сайте СКФУ: <https://ncfu.ru/nauka/dissertatsionnye-sovety/obyavleniya-o-zashchite-dissertatsiy/35853/>

Автореферат разослан «_____» июля 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

М.В. Каменский

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Период 2010–2020-х гг. современные исследователи называют временем расцвета русской прозы, в которой органично сочетаются культурные традиции и значимые тенденции, отражающие свойственные национальному сознанию изменения и константы (Солдаткина, 2015, с. 7). Результатом упомянутых перемен среди прочего становится актуальный на сегодняшний день феномен кризиса идентичности, который является объектом художественной рефлексии во многих современных текстах. Кризисность отражается и в развитии современного литературного процесса, связанного, по наблюдениям О. А. Гримовой, с «исчерпанностью посткреативистской эстетики» (Гримова, 2023, с. 8). При этом стоит отметить недостаток литературоведческой рецепции обозначенной проблематики, что объясняется в числе прочего тем, что анализ в рамках традиционной поэтики малоэффективен вследствие его «несоответствия» тем изменениям, которые произошли в культурной парадигме (Там же, с. 5).

Таким образом, **актуальность** нашего исследования обусловлена недостаточной степенью изученности современной отечественной прозы, художественно осмысливающей феномен кризиса идентичности героя, а также необходимостью поиска адекватной материалу методологии, которая позволила бы литературоведчески отразить современное эпическое повествование, в структуре которого находит отражение фактор кризисности.

Научная новизна работы заключается в комплексном характере исследования феномена кризиса идентичности героя современной прозы, явленного не только на уровне содержания, но и на уровне презентации наррации – сюжетных, родо-жанровых, типологических характеристик. Исследование углубляет понимание дискурсивной природы актуальной эпики, а также изменений, произошедших в характере ее событийности.

Объектом исследования является феномен кризиса идентичности героя актуальной эпики, **предметом** – эстетическая манифестация кризисного самоопределения, а также многообразные пути его преодоления.

Цель исследования – определение специфики эстетической репрезентации категории «кризис идентичности» в отечественной прозе 2010–2020-х гг.

Достижение данной цели предполагает решение ряда **задач**:

1) систематизировать основные концепции современного гуманитарного знания, осмысливающие феномены идентичности и кризиса идентичности;

2) выявить специфику изображения субъекта кризисной идентификации в отечественной прозе 2010–2020-х гг. на основе интерпретации основных векторов самоидентификации героев / способов преодоления личностной кризисности;

3) проанализировать изменения сюжетных, родо-жанровых и дискурсивных параметров современной эпики как факторов манифестации кризисности;

4) определить характер событийности в текстах, объектом изображения которых становится проблематизированное *Я*;

5) проследить корреляцию между кризисным состоянием субъекта¹ и отражением данного состояния в повествовательной структуре текстов актуальной эпики;

6) исследовать, каким образом современная отечественная проза актуализирует и переосмысливает классическое наследие через призму современных социокультурных реалий.

В работе мы опираемся на традиции философии идентичности, обращаемся к антропологии, социологии, психологии и нарратологии. **Методологической базой** исследования являются концепции рецептивной эстетики Р. Ингардена (Ингарден, 1962), В. Изера (Изер, 2004а, 2004б), Х. Р. Яусса (Яусс, 1994), диалогизма М. М. Бахтина (Бахтин, 1975, 1979а, 1979б, 1986), жанрологии Н. Д. Тмарченко (Теория литературных жанров, 2012), работы классиков отечественного литературоведения, исследующих

¹ Во избежание большого количества повторов предлагаем считать выражения «кризисное состояние субъекта», «проблематизированное *Я*», «проблематизированная идентичность», «проблематизированная субъектность» синонимичными по отношению к понятию «кризис идентичности».

личностные персонажные миры, – С. Бочарова (Бочаров, 1985, 1999), С. Аверинцева (Аверинцев, 1988, 2001, 2005), Г. Д. Гачева (Гачев, 1968, 1999), В. М. Марковича (Маркович, 2019), а также работы по нарратологии В. И. Тюпы (Тюпа, 2016, 2021), В. Шмида (2008).

Методология работы опирается на системно-типологический, структурно-семиотический, компаративный, нарратологический, интертекстуальный методы исследования.

Материалом диссертации служат следующие произведения актуальной эпики, в которых представлены различные варианты кризиса идентичности героя и попыток его преодоления: «Принц инкогнито» А. Понизовского, «Автопортрет неизвестного» Д. Драгунского, «F20» А. Козловой, «Икарова железа» А. Старобинец, «Собаки и другие люди» З. Прилепина, «Каждые сто лет» А. Матвеевой, «Калечина-Малечина», «Начало» Е. Некрасовой, «Открывается внутрь», «Чуров и Чурбанов», «Адвент» К. Букши, «Протагонист» А. Володиной, «Риф» А. Поляринова. Для героев данных текстов ощущение самотождественности, утрата / обретение данного состояния носят экзистенциальный, бытийный характер. Конкретно-исторический, социальный план идентификации (национальной, конфессиональной, региональной, профессиональной, гендерной) либо отсутствует вовсе, либо имеет вспомогательный характер, становясь неким «инструментом», с помощью которого автор транслирует идею возможности / невозможности обретения самотождественности.

Степень разработанности темы. «Кризис идентичности» и сама «идентичность» – междисциплинарные понятия, по-разному трактующиеся в социально-гуманитарных науках (философии, социологии, антропологии, психологии, нарратологии, литературоведении). Впервые вопрос о самоидентификации возникает еще в античной философии. На протяжении развития философской мысли понятие «идентичность» усложняется, меняет смысловое наполнение. На рубеже XIX–XX вв. данные вопросы привлекают

внимание психологов и социологов. Во второй половине XX в. психолог Э. Эриксон разрабатывает понятие «кризис идентичности». Нарративный подход в исследовании идентичности изучает П. Рикёр, утверждая, что «повествование созидает идентичность» (Рикёр, 2008, с. 180). В литературоведении проблемы идентичности разрабатывают В. И. Тюпа и А. Е. Агратин, исследующие кризисные состояния героев русской литературы в диахронической ретроспективе (Тюпа, 2017, 2019а, 2019б, 2020; Агратин, 2020).

В литературоведении существуют исследования, посвященные разным типам идентификации: национальной (С. В. Кончакова (2011), М. К. Попова (2004), С. А. Кулагин (2009)), гибридной (Е. М. Бутенина (2006), Е. Н. Белова (2012)), писательской (М. П. Абашева (2001), С. Н. Есин (2005)). Исследованию личностной кризисности посвящено сравнительно небольшое количество работ (Е. В. Андрианова (2018), Н. В. Морженкова (2011), В. В. Меняйло (2013), И. И. Назаренко (2023), Н. В. Барабанова (2004), А. А. Бархоян (2024)). Отметим, что на данный момент не существует работы, в которой был бы осуществлен комплексный подход к изучению кризиса идентичности героя в художественной рефлексии современных отечественных авторов.

Тем не менее в контексте нашего диссертационного исследования особо привлекают внимание некоторые наблюдения Н. В. Барабановой (Барабанова, 2004), А. Е. Агратина (Агратин, 2020), О. А. Гримовой (Гримова, 2021, 2022). Отметим, что в работе Н. В. Барабановой повествование рассматривается как процесс формирования идентичности образа героя, а также прослеживается связь между жизнью автора, его самосознанием, сознанием реципиента и жизнью героя (Барабанова, 2004). Анализируя проблематизацию личностной идентичности героев чеховской прозы, А. Е. Агратин пишет, что репрезентация кризиса идентичности в художественной литературе только становится предметом специального изучения, и выделяет два типа кризиса идентичности: социально-психологический и экзистенциальный (Агратин, 2020, с. 254).

Кризис идентичности в современной эпике анализируется в ряде работ О. А. Гримовой (Гримова, 2021, 2022), которая приходит к выводу о том, что современный человек не может существовать автономно от окружающего мира и что многие тексты современной отечественной романистики являются «апологией коммуникации, в том числе и художественной как наиболее эффективной» (Гримова, 2022).

Теоретическая значимость обусловлена тем, что диссертация вносит вклад в исследование смысловых (субъектных) и повествовательных, в частности сюжетных и жанрово-дискурсивных трансформаций, происходящих в современной эпике, рефлексирующей процессы кризисного состояния героя. Результаты исследования могут послужить теоретической базой для дальнейшего изучения поэтики современного художественного текста, в частности вопросов репрезентации актуальной для современной литературы проблемы кризиса идентичности.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее материалов и выводов в дальнейшем изучении современной отечественной прозы, в преподавании учебных курсов по современной русской литературе, анализу эпического текста, а также при проведении междисциплинарных исследований, связанных с изучением проблематизированной идентичности современного человека.

Положения, выносимые на защиту:

1. Художественная рефлексия в современной отечественной прозе сосредоточена на исследовании кризиса идентичности, основой которого становится несовпадение самости (*я-для-себя*) и характера (*я-для-других*). Авторская интенция направлена на преодоление данного состояния посредством различных «способов»: интерсубъективное постижение действительности, восстановление «диалога согласия» (М. М. Бахтин) со своим *Другим*, панкогорентность, неосинкретизм, апелляция к мифологическому мышлению, сакрализация слова, реализующаяся посредством творческого потенциала героев.

2. Лишенное целостности сознание коррелирует с изменениями определенных аспектов родо-жанровой природы актуальной эпики. Романное начало лишается своей монолитности, на смену линейному повествованию приходит фрагментированная наррация. Возникают разнообразные гибридные формы, совмещающие в пределах одного текста эпические, драматические, лирические элементы, а также фикциональное и нефикциональное начала. Исследование попыток выхода из кризисного состояния на структурном уровне опосредуется использованием инверсированной лиминальной схемы сюжетосложения.

3. В актуальной эпике, исследующей кризисное состояние, на первый план выдвигается особый тип событийности – ментальный. На уровне презентации наррации это манифестируется ослаблением фабульной составляющей и усилением роли интриги слова, «события рассказывания», воплощенного в речевом строе повествования.

4. Современный нарратив становится особой дискурсивной формой, транслирующей травматический опыт современного человека. На уровне презентации наррации это проявляется с помощью таких особенностей, как трансгрессия, авторефлексивность, аффективность. Письмо становится способом конструирования новой идентичности. Авторы ищут способы оцельнения текста, прибегая к ряду повествовательных техник: усиление парадигматических связей, разнообразные варианты использования несобственно-прямой речи, обращение к орнаментализму.

5. Кризис идентичности современного героя отражает социокультурные и онтологические трансформации, произошедшие во второй половине XX – начале XXI в. Внимание анализируемых нами авторов направлено на решение бытийных, экзистенциальных вопросов, имеющих первостепенное значение для модернистских произведений, что позволяет говорить об особой связи с литературной традицией.

Апробация. Исследование прошло апробацию в форме докладов на всероссийских (Екатеринбург, 2022, 2024; Пермь, 2022, 2023; Ростов-на-Дону,

2025) и международных конференциях (Торунь, 2021; Москва, 2021, 2023, 2024, 2025; Краснодар, 2021, 2023, 2025; Санкт-Петербург, 2023).

Публикации. По теме диссертационного исследования опубликовано 9 научных работ, из них 3 в научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, 6 – РИНЦ.

Структура диссертационной работы включает в себя введение, четыре главы, заключение, списка литературы и источников эмпирического материала, включающего 217 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность и новизна темы исследования, характеризуются предмет и объект диссертационного анализа, определяется степень изученности темы, формулируются цель и основные задачи диссертации, описывается ее теоретическая и методологическая база.

Первая глава диссертации **«Кризис идентичности как объект философско-эстетического и литературоведческого осмысления»** носит обзорно-теоретический характер. Междисциплинарные понятия «идентичность» и «кризис идентичности» рассматриваются с историко-философской, социально-психологической, нарратологической и литературоведческой сторон.

В разделе **1.1. «Историко-философский контекст изучения проблемы идентичности»** исследуется генезис концепции кризиса идентичности. Классическая философия оперировала понятием тождества как фундаментальной характеристикой бытия. В эпоху Средневековья человек осознал свою уникальность, идентичность в связи со стремлением уподобиться высшему идеалу – Творцу, что привело к интенсивной духовной работе сосредоточенного на себе человеческого Я. В эпоху Возрождения личность оказалась высшей ценностью. Задача «стать собой» стала основной для человека Нового времени. Но если Р. Декарт рассматривал идентичность как изначальную данность, верил в рациональное устройство действительности, то уже Д. Юм

подверг этот тезис сомнению, так как видел в человеке сумму впечатлений, которые никогда не могут быть тождественными. В работах И. Г. Фихте, Г. Ф. Г. Гегеля проявилась идея диалектизма, подразумевающая, что тождество имплицитно содержит в себе преодоленное различие. На рубеже XIX–XX вв. вектором осмысления в философии стало субъектное начало в противовес господствовавшей на протяжении многих веков объективно ориентированной онтологии. Акцент с тождественности сместился на различие. Цельность человеческого *Я* подверглась критике. Возникли концепции «смерти субъекта» (Ф. Ницше), «номадического мышления» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари), ризоматичности личности (Ж. Делёз), по-своему отразившие кризисное состояние мира в целом и субъекта этого мира в частности. Упомянутые концепции, разработанные еще во второй половине XX в., остаются актуальными и по настоящее время. Исследователь А. Ю. Шеманов замечает, что образ человеческого *Я* сегодня разорван и некогерентен (Шеманов, 2007, с. 39).

Своеобразным «ответом» на подобные концепции, по сути отражающие абсолютизацию субъектности, думается, является философия диалогизма (М. Бубер, М. Бахтин). Не имея возможности обрести чувство тождественности, которое на протяжении долгого времени сопровождало человека, верившего сначала в некий *Абсолют*, а затем в собственное *Я*, которое стало этим *Абсолютом*, сознание современного человека ищет его в *Другом*. Литература становится плацдармом, на котором реализуются эти поиски.

В разделе **1.2. «Социально-психологическое обоснование категории идентичности»** рассматриваются концепции З. Фрейда, У. Джеймса, Э. Фромма, основное внимание уделено разработкам американского психолога Э. Эриксона, подробно исследовавшего категории «идентичность» и «кризис идентичности» (Эриксон, 1950, 1968, 1978). По Эриксону, идентичность – это «твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений к окружающему миру» (Эриксон, 2006, с. 12). Кризис идентичности психолог объясняет как потерю ощущения «тождества личности и непрерывности времени» (Там же, с. 26) и связывает с утратой контроля над

собой, «который с точки зрения психоанализа обеспечивается лишь “внутренней силой” “эго”» (Там же). Ученый приходит к выводу, что кризисные состояния обусловлены человеческой природой, развитие идентичности происходит через проживание ряда психосоциальных кризисов. Эриксон разделяет возрастной и патологический кризис идентичности.

В разделе 1.3. «Типология ментальностей и кризис Я-ментальности» дана характеристика типологии ментальностей / модусов сознания, разрабатываемой В. И. Тюпой (Тюпа, 1996, 2002, 2009, 2010). Он выделяет «четыре фундаментальных состояния человеческого духа» (Тюпа, 2010, с. 22) в становлении личности и человеческой цивилизации, различающихся ценностными установками, мотивацией поведения, вектором интенциональности: *роевой Мы-менталитет* (статусно-роевое, анонимное сознание), *ролевой Он-менталитет* (нормативно-родовое, авторитарное сознание), *дивергентный Я-менталитет*, или «уединенное» сознание (Вяч. Иванов) (автономное, радикально индивидуализированное сознание), и *конвергентный Ты-менталитет*, или диалогизированное сознание, – «антиавторитарный модус сознания, преодолевающий свою уединённость» (Тюпа, 1996).

По наблюдениям ученого, расцвет эгоцентрической культуры Я-ментальности в Европе на рубеже XVIII–XIX вв. и последовавший за ним ментальный кризис этой культуры «закономерно привели во второй половине XX в. к проблематизации субъектной самоидентичности» (Тюпа, 20196, с. 86). В условиях России данная ментальность предстает как «проблема уединенного сознания (наполеонизма, байронизма, революционного утопизма... и т. п.)» (Тюпа, 2009, с. 14). В. И. Тюпа отмечает, что для русской классической литературы уединенность героя неразрывно связана с его смертностью (Печорин, Хома Брут, Базаров и др.) и уже у А. С. Пушкина приобретает «статус ключевой проблемы духовных исканий в формах художественного письма» (Там же, с. 14).

Преодоление кризиса уединенного сознания ученый связывает среди прочего с переходом к конвергентному модусу сознания, с открытием *Другого*

«в качестве полноценного и полноправного субъекта жизни» (Там же, с. 17–18).

Нетрудно заметить прямую связь между конвергентным сознанием и философией диалогизма, между *Ты*-ментальностью и интерсубъективностью, открытостью *Другому*, в которых исследователи различных направлений гуманитарной мысли видят выход из кризисного состояния как героев русской литературной классики, так и современного человека.

В разделе **1.4. «Понятие нарративной идентичности в контексте отечественной литературы Нового времени»** дано определение нарративной идентичности – «смыслового единства всех компонентов текста, относимых нарратором к одному из участников повествуемой истории» (Тезаурус исторической нарратологии, 2022, с. 209). В. И. Тюпа замечает, что «...нарративная идентичность субъекта представляет собой своего рода напряжение между двумя полюсами: полюсом тождественности характера, по которой его идентифицируют окружающие, и полюсом самости личности, сохранностью которой он сам себя идентифицирует» (Тюпа, 2019б, с. 88). Так как проживаемое существование не может быть сведено к однозначному его изложению, возникает связанная с несовпадением характера (*я-для-себя*) и самости (*я-для-других*) «проблема субъектной идентичности» (Там же), или кризис идентичности.

Диахроническая перспектива позволила В. И. Тюпе и А. Е. Агратину прийти к выводу о том, что дифференциация между характером и самостью произошла в литературе романтизма, а кризис идентичности впервые актуализировался в прозе второй половины XIX в. в фигуре Базарова; в зрелых чеховских рассказах произошло радикальное размежевание между характером и самостью.

Во второй главе **«Субъект кризисной идентификации»** подробно рассмотрены специфика изображения субъекта кризисной идентификации, а также способы манифестации проблематизированной идентичности на уровне презентации наррации в прозе последних десятилетий.

В разделе **2.1. «Несовпадение характера и самости в романе А. Понизовского “Принц инкогнито”»** исследуются особенности нарративной репрезентации проблематизированной субъектности. Истории главных героев романа «Принц инкогнито» объединены инвариантным сюжетом пребывания в ментальной изоляции вследствие несогласия с внешней заданностью, что приводит их к кризисному состоянию. Проявлением подобного состояния на повествовательном уровне становятся многочисленные аналептические вставки-воспоминания, транслирующие невозможность героя объективировать опыт прошлого, фрагментарность этих воспоминаний, а также актуализация мотивов игры, театральной постановки. «Инструментом» конструирования новой идентичности персонажей становится воображение. В случае с героем обрамляющей истории эта идентичность оказывается ложной, не соотносимой с действительностью. Герой вставной истории осуществляет автонарративный пересмотр существования, что позволяет ему пройти ментальную трансформацию, обрести ощущение самотождественности через проживание опыта в альтернативной реальности, позволяющей преодолеть инерцию существования и приблизиться к обретению «внутреннего, сокровенного, подлинного» *Я* благодаря единению с другим сознанием, «вглядыванию» в сознание *Другого*.

Раздел **2.2. «Кризисный субъект как носитель речи»** сконцентрирован на осмыслении трансформаций в сфере слова, носителем которого является кризисный субъект, а также на попытках восстановления целостности, которые происходят посредством переосмысления субъектно-речевого статуса.

В подразделе **2.2.1. «Фрагментация сознания и слова кризисного героя в диахронической ретроспективе: “Двойник” Ф. М. Достоевского – “F20” А. Козловой»** исследуются трансформации кризисного персонажного дискурса с учетом историко-генетического контекста. Крайней формой проявления кризиса идентичности в анализируемых нами классическом и современном произведениях является диффузное сознание главных героев, имеющих психические расстройства. Реализуясь в форме дисперсии сознания

героев, являясь крайней точкой выражения кризиса идентичности, мотив безумия выполняет различные функции в текстах XIX и XXI вв. В отличие от социально-психологического обоснования кризисного состояния главного героя повести Ф. М. Достоевского кризис идентичности, переживаемый героиней романа «F20», носит экзистенциальный характер. Опыт проживания жизни в болезни открывает герою «Двойника» новое знание – понимание своего безумия. А в современном тексте безумие становится способом по-новому осмыслить систему координат, в которой живут «нормальные» окружающие, и понять, что норма, заключающаяся в отсутствии рефлексии, направленной на себя и окружающий мир, оказывается сомнительной. Героиня отказывается от предписываемых социальных ролей, переосмысляя уготованный ей сценарий жизни. Она выстраивает свой собственный сюжет. Здесь событием становится принятие окружающего мира как следствие восстановления диалога с окружающими.

В подразделе 2.2.2. «Делегирование личного слова как способ “пересборки” проблематизированной идентичности в романе Д. Драгунского “Автопортрет неизвестного”» продолжается осмысление особенностей трансформации в сфере слова. Утрачивая внутреннюю целостность, протагонист – современный писатель – теряет прерогативу владения личным словом, передоверяя его фикционально сконструированным субличностям. Таким образом герой пытается творчески преодолеть травматический опыт, опосредуя его историями жизней героев собственного произведения, являющихся проекциями его «отзеркаленного» сознания. В основе этих историй лежит единый сюжет восстановления дефицита личностности, попытка описать «мегаисторию всей... жизни» (Там же).

На уровне презентации наррации «мысленное квазирассказывание» проявляется в усложнении структуры текста. Автор использует прием нарративной редупликации (*mise en abyme*), под которым понимается «внутреннее удвоение, отношение подобия и умножение художественной реальности за счет включения в текст элементов, коррелирующих по принципу

семантического сходства с содержащим их текстом» (Муравьева, 2022а). Данный прием имеет две разновидности: редуплицироваться может «создаваемый автором мир истории» и «я пишуший» (Там же). В романе Д. Драгунского последний представляет собой редупликацию «события рассказывания», с помощью которой эксплицируется авторское самосознание, пытающееся преодолеть творческий кризис. Формальный «текст в тексте» является редупликацией судьбы главного героя на гиподиегетическом уровне. Сюжеты данного «текста» особым образом преломляют ситуацию личностной несостоятельности протагониста.

Фрагментарное повествование, выстроенное по принципу монтажа, на структурном уровне отражает кризисное состояние героев, а ряд мотивных переключек в сюжетных линиях – тождество протагониста и героев его произведения.

Третья глава **«Сюжетно-жанровые трансформации как способ репрезентации кризисной идентичности в отечественной прозе 2010–2020-х гг.»** посвящена исследованию форм репрезентации проблематизированной субъектности. Ресурсом ее осмысления становится не только наиболее глубинное – событийное – измерение текста, но и более эксплицированные его структуры.

Раздел **3.1. «Актуализация сюжета инициации / лиминального сюжета в сборнике А. Старобинец “Икарова железа” и романе А. Володиной “Протагонист”»** содержит наблюдения за спецификой корреляции между реализацией лиминального сюжета и художественной задачей изображения фрагментированного Я современного человека. Это соотношение является основным архитектурным принципом, лежащим в основе повествовательной структуры анализируемых нами текстов. Лиминальный сюжет восходит к обрядам инициации, или «обрядам перехода», которые «указывают на радикальное изменение экзистенциальных ситуаций: пересечение границы между жизнью и смертью, старым и новым, привычным и непривычным. Итогом таких ритуалов мыслится трансформация субъекта,

изменение его самоидентификации...» (Бугаева, 2012, с. 4). По наблюдениям В. И. Тюпы, «освоение сказкой архаической символики инициации породило принципиально иную (четырёхфазную) сюжетную схему: обособления – искушения (новых партнерств) – испытания (смертью) – преображения (данная фаза может оказаться и нулевой в случае гибели героя). Ее интерес... в том, выдержит ли герой испытание смертью» (Тюпа, 2016, с. 66).

Мотив перехода, пограничного состояния является ведущим в сборнике «Икарова железа». Детально анализируется заключительный текст «Споки», на наш взгляд, наиболее ярко отражающий авторскую концепцию присутствия человеческого *Я* в мире трансгуманистического будущего. Футурологический прогноз в художественной парадигме А. Старобинец связан с утратой субъектности. Современный человек, передоверяя инициативу ценностного и когнитивного индексирования мира внешним акторам (установки массовой культуры, цифровая среда, СМИ и под.), лишается возможности позитивных, преобразующих трансформаций, о чем и свидетельствуют изменения в структуре лиминального сюжета: путешествие, в обряде инициации традиционно приводящее либо к смерти, либо к преображению, в данном случае актуализирует семантику псевдоперехода. Фаза преображения не наступает.

В романе А. Володиной описанная выше последовательность фаз лиминального сюжета нарушается: фаза испытания смертью становится начальным этапом, порождающим кризисное состояние и провоцирующим окружающих к переосмыслению онтологических основ своего существования через рефлексивное возвращение к событиям, маркирующим вхождение в прелиминальную фазу. Это переосмысление нарративизировано специфическим образом: перед нами разрозненные фрагменты, имитирующие нефикциональную наррацию, сверхжанр свидетельства, – девять внутренних монологов, каждый из которых представляет нарратив одного из субъектов, ощущающих свою причастность к случившемуся.

Особое «структурное единство» обеспечивается уникальной жанровой природой произведения, представляющего гибридную романную форму,

содержащую также элементы лирических и драматических жанров. Распадение синтагматических связей компенсируется за счет актуализации связей парадигматических – системы сквозных образов и мотивов, обладающих повышенной семантической значимостью и «скрепляющих» истории героев в единое целое. Центральным для романа является комплекс кодифицированных культурой знаков, отсылающих нас к древнегреческой трагедии. Все это побуждает к рефлексии о том, как современный эпический текст становится инструментом рефлексии жанрового инварианта архаичной трагедии. Родо-жанровая гибридизация, к которой обращается А. Володина, по сути, развивает художественный эффект, достигаемый апелляцией к трансформированному лиминальному сюжету: современный герой оказывается «субъектом личностной самоидентификации», однако итогом самоопределения становится не гибель, а перерождение, явленное посредством слова: кризисное состояние преодолевается посредством обретения способности вступить в диалог с окружающими, встать на позицию *Другого*. Таков «катарсис», который необходим современному человеку.

В разделе **3.2. «Взаимодействие фикционального и нефикционального как инструмент конструирования идентичности»** устанавливается, что способом рефлексии проблематизированной идентичности в современной литературе является выход за рамки фикциональной жанровости в целом, предполагающий обращение к авто- и экзофикциональности как к способу диверсификации задачи обретения самости.

В подразделе **3.2.1. «Автофикциональное начало в сборнике рассказов З. Прилепина “Собаки и другие люди”»** исследуется генезис феномена автофикшн, дается обзор публицистических (П. В. Басинский, 2022; Б.А. Куприянов, 2022; Е. Сафронова, 2022; А. М. Гончуков, 2020) и академических работ (Т. Н. Амирян, 2019; А. Д. Белогорцев, 2023; Л. Е. Муравьева, 2019, 2022б, 2022в, 2023), посвященных его изучению. Автофикшн – особый гибридный жанр современной литературы, для которого характерны смешение автобиографического и фикционального начал,

усложненная субъектная организация, отражающая расщепленность пишущего Я, трансгрессивность, авторефлексивный модус повествования, лиризация прозы.

Субъектная организация книги З. Прилепина «Собаки и другие люди» отражает кризисное состояние героя, не имеющего возможности прямо отрефлексировать прошлое, что проявляется в совмещении различных точек зрения, на грамматическом уровне выражающемся в немотивированных переходах от перволичного повествования к третьеличному с «вкраплением» фрагментов, написанных от второго лица. Подобная организация повествования, думается, является примером субъектного неосинкретизма (С. Н. Бройтман), обусловленного поисками новых форм субъектной организации.

Тексты рассказов приобретают авторефлексивный характер. Посредством конструирования себя через письмо происходят определение протагонистом своего онтологического статуса, преодоление кризисности, которое связывается с «вглядыванием» в *Других*. Обретение внутренней гармонии манифестируется изменением характера повествования: от воспоминаний о прошлом герой переходит к фиксации настоящего, в финальном рассказе фрагментарность сменяется текстом-ментативом.

Мы уже отмечали, что «точкой отсчета» в данном сборнике является Я протагониста, а событием – определение онтологического статуса. Вкупе с обозначенной выше тенденцией лиризации прозы в сфере автофикшн, а также мыслью исследователя О. В. Федуниной о том, что «кризис нарративной идентичности соотносится с кризисом жанра, переосмыслением старых форм и поиском новых» (Федунина, 2019, с. 138), это позволяет сделать вывод, что текст анализируемого нами сборника представляет собой гибридную жанровую форму, являясь по своей природе скорее не эпическим, а лирическим. Представляется, что в основе сборника лежит лирический сюжет, модель которого такова: «исходная ситуация – внутренний разлад – обретение целостности, т. е. *разрушение-восстановление “я” <...>*» (курсив авт. – Д. М.) (Теория литературы, 2008, т. 2, с. 351) В лирическом тексте сюжетом становится именно рефлексия героя. В свете такого рассмотрения родовой

природы данного текста можно сделать следующий вывод: разрозненность, осколочность повествования, нарушение хронологического порядка связаны не только с кризисным состоянием протагониста, но и с опосредованностью переживаний через вербализацию травматического опыта.

В подразделе 3.2.2. «Экзофикциональное повествование в «романе с дневником» А. Матвеевой “Каждые сто лет”» выполняется жанрологический анализ текста, в котором смешиваются фикциональное и нефикциональное начала. Мы предполагаем, что роман может быть отнесен к экзофикциональной практике письма – «вымышленному повествованию о жизни исторического персонажа» (Л. Е. Муравьева, 2022в, с. 30). Основными «параметрами» литературы экзофикшна являются авторефлексивность, аффективность, отражающие тесную связь субъекта и рассказываемой истории, вектор внимания направлен на исследование чужой биографии, работу с архивом. Экзофикциональная практика позволяет А. Матвеевой не просто репрезентировать прошлое на основе эго-документа, но апроприировать этот опыт, пережив «вчувствование» в чужую историю. Посредством этого «вживания» происходит формирование аффективной связи между прошлым и настоящим и их переосмысление. На повествовательном уровне данная аффективность проявляется в «рифмах», перекличках различного типа: фонетических, мотивных, сюжетных.

В разделе 3.3. «Личностная кризисность как инвариантная черта современного рассказа (“Начало” Е. Некрасовой)» анализируется специфика событийного статуса современного рассказа, объектом изображения которого является проблематизированное Я.

Категория события является одной из центральных в нарратологии. В. И. Тюпа, размышляя о данной категории, отмечает, что событийность является «особым (нарративным) способом отношения человеческого сознания к бытию (альтернативному процессуальности и ритуальности), а событие – это нарративный статус некоторого отрезка жизни в нашем опыте» (Тюпа, 2016, с. 17).

Жанровая природа рассмотренного нами рассказа «Начало» определяется особым событийным статусом происходящего: героиня переживает процесс внутреннего рождения, превращаясь из «пассивного объекта» в личность. Исходная интенция ее сознания контрсобытийна. Мотив отражений, являющийся одним из ведущих в тексте, фиксирует невозможность самоидентификации. Любовь становится катализатором возникновения кризиса идентичности. Переставая «отражаться» в других, быть «фоном», героиня наконец «узнает» себя в *Другом* – возлюбленном, преодолевая кризисное разобщение. Реализуется этот сюжет не чередой внешних событий, а вербальной композицией текста, в частности изменениями в номинации героини. Именно так создается рецептивное напряжение чтения.

В разделе 3.4. «Репрезентация “распавшегося” сознания в жанровой структуре “романа в рассказах” (“Открывается внутрь”, “Адвент”, “Чуров и Чурбанов” К. Букши)» определяется, что кризисный герой катализирует перестройку всей жанровой целостности не только в рамках малых эпических жанров, но и в рамках больших эпических форм. Реализуя принцип изоморфности формы и содержания, романная форма так же теряет монолитность, как теряет ее протагонист. Анализируемые нами тексты связаны инвариантным сюжетом восстановления дефицита личностности, преодоления кризисного разобщения с окружающим миром. Тексты завершаются пристальным вглядыванием в *Себя* через *Другого*. Таким образом преодолевается дефицит личностности героев, вызванный кризисом Я-сознания. На структурном уровне эта кризисность отражена в невозможности рассказать «упорядоченную» историю лишенным целостности сознанием. Тексты рассказов сборника «Открываются внутрь» связаны гораздо теснее, чем в классическом сборнике или в цикле, обеспечивая данному текстовому ансамблю квазироманный статус. Определяемые как романы «Чуров и Чурбанов» и «Адвент» состоят из 17 и 15 глав соответственно, построенных по принципу монтажа и представляющих собой самостоятельные фрагменты из жизни главных героев, формально не коррелирующих друг с другом, что

ставит под вопрос однозначность упомянутой жанровой идентификации. В этом проявляется их несомненное сходство с первым текстом.

При этом анализируемые нами произведения обладают особым единством, проявляющимся на разных уровнях. Не только герой, но и сам текст стремится стать «цельным», что реализуется на субъектном уровне: думается, что повествование ведется одним субъектом речи, экстрадиегетическим аукториальным повествователем, который рассказывает свою историю преодоления травматического опыта, опосредуя его речевыми партиями героев, являющихся проекциями «отзеркаленного» сознания этого повествователя; в текстах происходит постоянное переключение кругозоров. Обращение к подобным нарративным практикам связано, как нам кажется, с возвращением к субъектному синкретизму, или «нерасчлененности автора и героя» (Теория литературы, 2008, т. 2, с. 21). Также «оцельнение» реализуется с помощью системы персонажей, которая представляет собой сложно организованную структуру, обладающую особым единством: один и тот же герой может являться доминирующим субъектом речи и действия в одном тексте, а затем появиться в качестве эпизодического персонажа или персонажа второго плана, занимая периферийную позицию. Один из главных героев романа «Чуров и Чурбанов» становится героем транснарратива, появляясь в качестве эпизодического персонажа в «Адвенте». Внутренняя маргинальность героев, пороговость их состояния, оторванность от собственного *Я* проецируется на диегетическое пространство текстов, являющееся окраинным, неустроенным. Все три нарратива имеют структурное сходство. Значимую роль здесь играют системы эквивалентностей (сквозные мотивы, детали). Более того, каждый из текстов обладает определенным символическим доминантным мотивом.

Вероятно, перед нами своеобразные «романы в рассказах», свидетельствующие как о затрудненности создания целостного художественного высказывания в условиях кризиса нарративности, так и о насущной потребности в этой целостности.

В четвертой главе **«Нарративизация кризиса идентичности в современной прозе»** объектом осмысления становятся процессы, происходящие в дискурсивном сегменте художественного высказывания, посредством которых отражаются радикальные преобразования, связанные с задачей художественного осмысления кризисной субъектности.

Раздел **4.1. «Нелинейность нарратива о кризисе (“Риф” А. Поляринова)»** посвящен исследованию тех нестандартных принципов когерентности, которые обеспечивают связность повествования о кризисной идентичности. За счет высокой степени фрагментированности романа А. Поляринова «Риф» как на уровне отдельных глав, так и текста в целом оказывается существенно затрудненным его поэтапное, синтагматическое восприятие – история словно бы «рассыпается» на составные части. Только переключив вектор рецепции с горизонтали на вертикаль, читатель имеет возможность воспринять авторскую интенцию – парадигматически собрать из фрагментов, связанных мотивными эквивалентностями, целостное высказывание о преодолении падения и продолжении ментального пути как способа выхода из ситуации личностного кризиса.

В разделе **4.2. «Активизация интриги слова в кризисном повествовании (“Сосновая поляна. Ася” К. Букши)»** объектом осмысления становится такая нарратологическая категория, как интрига слова. Подобная интрига создается «не самой нарратацией, а ее вербализацией: речевым строем, стилистикой и тональностью повествования» (Тезаурус исторической нарратологии, 2022, с. 237). В. И. Тюпа отмечает, что данный тип интриги является «рецептивным напряжением между начальным и конечным словом, фразой, абзацем излагающего историю текста» (Тюпа, 2018, с. 172).

Интрига слова рассказа «Сосновая поляна. Ася» актуализирует в читательском сознании историю обретения внутренней идентичности лишенным целостности сознанием, что соотносится с нелинейно организованным, фрагментарным композиционным оформлением текста. Читательский интерес сосредоточен не на внешнесобытийной стороне текста, а

на том, в какой последовательности и в какой тональности презентуются истории героев: в проанализированном тексте это движение от итеративного пейзажного описания, являющегося изоморфным по отношению к внутреннему состоянию духовного сна героини, через эпизоды-аналепсисы о ее прошлом к изменению ментального состояния, что и является подлинным событием данного текста. Интрига слова позволяет прочесть текст рассказа как сообщение о потенциальной возможности преодоления отчужденности от своего Я.

В разделе 4.3. «Орнаментальная дискурсивность в контексте проблемы утраты / поиска идентичности (“Калечина-Малечина” Е. Некрасовой)» анализируется связь современной орнаменталистики с проблемой утраты / обретения личностной идентичности.

Иконичная связь между звуком и смыслом, свойственная орнаментальной прозе, проявляется в корреляции между заголовком, именем главной героини и ритуальной формулой, произносимой ею. Героиня, как и нарратор, солидаризирующийся с ее точкой зрения, воспринимают мир метафорически: внешность персонажей, их действия и эмоции, реалии внешнего мира идентифицируются через метафорические образы, зооморфизацию с помощью творительного превращения. Заложено в семантике подобного метафорического слова первично, именно посредством слова в сюжете эксплицируется то, что зашифровано в номинации героя. Подобное восприятие мира напрямую связано с креативным потенциалом героини, который носит среди прочего компенсаторный характер. Пытаясь справиться с травмирующими событиями, героиня осмысливает их через поэтические строки.

Опираясь на теорию О. М. Фрейденберг о возникновении метафоры (Фрейденберг, 2008), а также на исследование В. Шмида, в котором ученый высказывает мысль о связи орнаментальной прозы и мифологического мышления (Шмид, 2014), можно предположить, что подобное восприятие мира, отраженное в нарративе романа, свидетельствует о возвращении к образному

мифологическому сознанию, с помощью которого переосмысливается и «перекодируется» действительность.

Для современного автора подобная организация сигнализирует о насущной потребности современного человека обрести целостность, проявляющуюся в необходимости единения не только с другим сознанием, но и с окружающим миром.

В **Заключении** подводятся итоги, обобщаются результаты, намечаются перспективы исследования.

Основным вопросом, на который направлена художественная рефлексия в анализируемых нами текстах, становится природа субъекта кризисной идентификации, а также способы проявления данного состояния. Преодоление, как правило, происходит не на внешнем уровне, а на внутреннем, в сознании героев, что позволяет сделать вывод о том, что для современной литературы первичны события ментального типа.

Кризисность манифестируется и на уровне презентации наррации. Нами были выявлены значительные родо-жанровые и сюжетные трансформации в текстах актуальной отечественной прозы, а также такие ее отличительные черты, как аффективность, трангрессия, авторефлексивность.

В исследуемых нами текстах авторская интенция направлена на поиск принципов когерентности на уровне вербализации наррации. Ментальная событийность, являющаяся смысловой доминантой, на повествовательном уровне манифестируется ослаблением фабульности и усилением роли интриги слова, актуализацией парадигматических связей, позволяющих собрать из фрагментов целостное высказывание о преодолении кризиса. Прием художественной редупликации (*mise en abyme*), различные комбинации использования несобственно-прямой речи позволяют представить дискурсивное пространство современного текста как территорию встречи нескольких субъектов внутри него. При этом осуществляется радикальный нарративный «поворот к читателю», а значит, интерсубъективная реальность расширяет свои границы; ментальное событие, внутреннее преображение –

преодоление травмирующей атомизированности сознания, по мысли современных авторов, должен осуществить не только герой, но и читатель. В этом современная литература наследует традиции, которая берет начало в зрелом творчестве А. П. Чехова.

В целом стоит отметить, что современный литературный процесс и, в частности, актуальная эпика при всей ее сложности, обилии разнообразных повествовательных техник, родо-жанровых трансформаций ориентированы на осмысление литературной и философской традиции, зарождающейся еще в начале XX в. Исследованные нами произведения по своей сути воплощают на новом уровне принципы модернистского мышления. Для современного автора первостепенными оказываются универсальные, онтологические, вневременные вопросы (обретение своего *Я*, восстановление диалога с *Другим*, преодоление разобщенности с окружающим миром), что было также особо значимо для литературы Серебряного века. В современной прозе также реализуются важнейшие принципы модернистского мышления: не зависящие от конкретно-исторических, социальных аспектов решение экзистенциальных вопросов, доминирование бытийного плана.

Некоторые особенности писательской техники последних десятилетий также берут свое начало в модернистской традиции: это смешение различных точек зрения, форм повествования. Думается, что подобная ориентация на литературную традицию может быть интерпретирована как диалогичность авторского мышления, то есть стремление на самом высоком уровне – уровне творческого сознания – ориентироваться не только на себя, свое креативное *Я*, но и на своего *Другого* – предшественника, писателя-модерниста. Разомкнутость сознания современного героя и его создателя, апелляция к литературной традиции, восстановление преемственности позволяют рассматривать исследованные нами тексты в русле неомодернистской литературы.

Настоящая работа открывает широкий круг исследовательских перспектив, связанных с изучением феномена кризиса идентичности на более

широком материале прозы, на диахронически ориентированное исследование. Перспективным видится расширение материала изучения посредством анализа лирических и драматических текстов, в центре которых находится кризисный субъект самоидентификации. Актуальность понятий «идентичность» и «кризис идентичности» в сфере современного гуманитарного знания позволяют предположить, что продуктивными могут оказаться исследования на стыке различных дисциплин.

**Основные положения настоящего диссертационного исследования
отражены в следующих публикациях:**

*Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК
при Министерстве науки и высшего образования РФ:*

1. Полуляшина, Д. И. (Марченко, Д. И.) Репрезентация кризиса идентичности в книге Ксении Букши «Открывается внутрь» / Д. И. Полуляшина (Д. И. Марченко) // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – Т. 26, № 2. – С. 198–203.

2. Марченко, Д. И. Традиции орнаментальной прозы в романе Е. Некрасовой «Калечина-Малечина» / Д. И. Марченко // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2025. – Т. 10 (2). – С. 132–142.

3. Марченко, Д. И. Археосюжет инициации как основа повествовательной структуры романа А. Поляринова «Риф» / Д. И. Марченко // Вестник филологических наук. – 2023. – Т. 3, № 7. – С. 59–63.

Статьи в других научных изданиях

4. Полуляшина, Д. И. (Марченко, Д. И.) Интрига слова в рассказе «Сосновая поляна. Ася» Ксении Букши / Д. И. Полуляшина (Д. И. Марченко) // Актуальные вопросы филологических исследований : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (Краснодар, 20 марта 2020 г.). – Краснодар : ООО «Издательский Дом – Юг», 2020. – С. 115–120.

5. Марченко, Д. И. Событийность романа Ксении Букши «Чуров и Чурбанов» / Д. И. Марченко // Актуальные вопросы филологических исследований : сборник статей материалов международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. А. Некрасова (Краснодар, 15 марта 2021 г.). – Краснодар : ООО «Издательский Дом – Юг», 2021. – С. 93–98.

6. Марченко, Д. И. Кризис личностной идентичности в интерпретации Достоевского: компаративный аспект / Д. И. Марченко // Достоевский в русской и зарубежной словесности (к 200-летию писателя) : материалы международной научно-практической конференции (Краснодар, 11 ноября 2021 г.). – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 99–105.

7. Марченко, Д. И. Событийность романа «Начало» Е. Некрасовой / Д. И. Марченко // Мир культуры глазами молодых исследователей : сборник тезисов XLVII научно-практической конференции студентов (Пермь, 18–23 апреля 2022 г.). – Ч. 2. – Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2022. – С. 100–103.

8. Марченко, Д. И. Особенности повествовательной структуры романа А. Володиной «Протагонист» / Д. И. Марченко // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения) : материалы VIII международной научной конференции (Москва, 21–22 декабря 2023 г.). – Москва : ООО «МАКС Пресс», 2023. – С. 166–168.

9. Марченко, Д. И. «Уже меня не исключить из этих лет, из той войны»: внутренний мир главного героя рассказа З. Прилепина «Дебрь» / Д. И. Марченко // «Онтологическая оборона»: Великая Отечественная война в современном гуманитарном знании (к 80-летию Великой Победы) : материалы международной научно-практической конференции (Краснодар, 21 апреля 2025 г.). – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2025. – С. 79–83.

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 29.06.2026

Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman/

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Уч.-изд. л. 1,21. Тираж 100. Заказ № 26022.

Отпечатано в ООО «Ставропольское издательство «Параграф»

г. Ставрополь, ул. Спартака, 8, к. 210

тел.: +7-928-339-48-78

www.paragraf.chat.ru